

Трусливый нигилизм «героического позитивиста»

**(О книге Э. Топича «О начале и конце
метафизики».**

**Е. Topitsch «Vom Ursprung und Ende
der Metaphysik», Wien, 1958, SS. 1-320)**

«Вопросы философии», 9 (1959), с. 99-107

Историю духовной культуры вообще, историю философских учений в особенности, нынешние позитивисты не почитают. И не потому, что они проникли в глубины сего предмета и нашли их исчерпанными. Вовсе нет. Историю мышления они знают мало, плохо и «склоняются, как правило, к мнению, что традиционные метафизические учения следует отбросить как бессмысленные и псевдорациональные, не вникая глубоко в их структуру и происхождение» (стр. 1). Топич вполне солидарен с ними. Он также считает, что это — вполне бесплодное, с точки зрения современной науки, занятие.

Что же побудило его, в таком случае, сочинить увесистый том, посвященный «историческо-генетической критике и анализу метафизического мышления»? На этот вопрос отвечает сам автор: «Поскольку сдвиги в настроениях эпохи совершаются по иным законам, нежели движение в действительных проблемах науки, постольку необходимо выступать против этих настроений там, где они сгущаются и приобретают форму духовной унификации» (там же). В переводе с туманно-иносказательного жаргона профессоров «философии современной науки» это означает следующее: Топич недоволен тем обстоятельством, что умы и сердца людей стремятся к некоторому единству взглядов на окружающий мир и тем самым — к единству воли, к единству практического действия. Против этой тенденции он и собирается воевать, так как она враждебна самой сути неопозитивистского взгляда на «единство знания». Топич, единомышленник «Венского кружка», знает и признает только формально-логическое «единство» теории, толкуя его исключительно как «непротиворечивость системы высказываний», как однозначность в употреблении искусственных символов. Любое другое понимание «единства знания» для него «метафизика», под которой Топич имеет в виду не антидиалектический метод мышления, а всякое мышление о «вещах в себе», о вещах вне сравнения, всякое мышление, претендующее на познание вещей такими, каковы они суть сами по себе, независимо от их явления в формах сознания.

Если учесть, что профессор живет в столице Австрии, то конкретно-политические мотивы, побудившие его заниматься исследованием, которое он сам же считает бесплодным в научном отношении, станут еще яснее. Дело в том, что в Австрии только одна партия открыто провозглашает «научное мировоззрение» своим основным принципом. Это коммунистическая партия. Социал-демократы недавно официально отказались связывать себя с каким бы то ни было определенным мировоззрением и объявили, что «мировоззрение» – это личное дело каждого человека, не имеющее никакого отношения к партии и к социализму. Социализм, заявили они в специальном документе, нельзя связывать с тем или другим «философским мировоззрением»: он должен одинаково удовлетворять и атеиста и католика.

Под эту позицию социал-демократы подвели и «философское обоснование». В их изданиях появилось много статей, в которых доказывается, что «мировоззрение» – это крайне двусмысленное слово, под которым неизвестно что следует понимать, что «мировоззрение» есть вообще слишком проблематичная вещь, чтобы с ним связывать политику столь серьезной партии, как СПА, и т.д., и т.п.

Совершенно естественно, что они поспешили расхвалить книжку Топича сразу же после выхода ее в свет. Их журнал «Цукунфт» (№ 7 за 1958 год) рекламирует ее как «лучшую основу для борьбы против интенциональных тенденций в социализме», что на жаргоне Топича и значит против марксистско-ленинской теории.

Сам Топич обосновывает «актуальность» своего исследования таким образом:

«Современные потрясения и перевороты пробудили, совсем как кризис полиса эпохи Платона, в душах многих людей желание чего-то устойчивого, что, в [99] качестве безусловного или абсолюта, неподвластно переменам. Этому желанию уверенности и безопасности мы обязаны тем фактом, что устаревшие представления интенционального взгляда на мир еще и ныне манят людей» (стр. 4).

Что понимает Топич под «интенциональным взглядом на мир» и что он хочет дать людям взамен, мы увидим ниже. Пока укажем лишь, что самой живучей и опасной формой такого взгляда в наши дни Топич считает именно марксизм. Особенно опасен он потому, что эмоционально-утопические иллюзии здесь-де тщательно замаскированы, одеты в маскарадный костюм научной терминологии, и это может-де обмануть современного читателя. Маркс впитал в себя всю рационалистическую отраву гегелевской схемы, «превратил гегелевскую созерцательную логодицу в политико-экономическую идеологию» (стр. 252). Маркс – это «двуликий Янус» (стр. 246), а его «Капитал» – это дар данайцев, это троянский конь в лагере «современной науки». В его чреве запрятан концентрат всего яда, накопленного за тысячелетия такими злодеями, как Демокрит и Аристотель, Декарт и Спиноза, Гольбах и Гегель. Поэтому бойтесь марксистов, даже научные труды приносящих! Это лейтмотив всей книжки. Против марксизма он и ведет свою многословную и назойливую полемику, как прямую, так и косвенную, о чем бы он ни заводил разговор: о мифах древней Индии или о милетской натурфилософии, о психологии бушменов или о субстанции Спинозы. Сама по себе история мышления интересует его так же мало, как прошлогодний снег. Сквозь нее повсюду он видит марксизм, своего главного недруга. Все остальное лишь повод и форма.

Таким образом, борьба Топича против «мировоззрения вообще» – это только видимость. На деле его атака направлена по адресу совершенно определенного мировоззрения – против марксизма-ленинизма как мировоззрения коммунистического движения.

Разумеется, эта прямая партийная направленность тщательно скрывается под маской абсолютного беспристрастия. Топич разыгрывает, как и любой позитивист, роль представителя «чистой науки», «которая трезво и смело познает упрямую действительность и отмечает всякую склонность к сентиментам, как недостойную ученого» (стр. 5).

Главный из этих «сентиментов» – желание «уверенности и безопасности» для человечества. Это желание иррационально, бессмысленно и антинаучно, ибо иррационален сам «ход мировых событий». Только аскетическое отречение от этого желания, только признание того факта, что «безопасность и уверенность» – это принципиально недостижимое для человечества состояние, может быть моральной позицией ученого. Только с высоты такого «интеллектуального аскетизма» и можно увидеть вещи в их истинном свете.

Это и есть «героический позитивизм». До сих пор его достигали лишь одинокие герои духа, вроде Макса Вебера. «Массам» это состояние недоступно, ибо они слишком связаны с желанием безопасности и уверенности; только новые, еще более кошмарные потрясения могут породить в массах самообладание, необходимое для «героически-позитивного» отношения к жизни. Когда новые потрясения окончательно убедят всех и каждого в тщетности желания безопасности и уверенности в будущем, тогда «героический позитивизм» станет общепринятой философией. Пока же пример самоотвержения будет показывать человечеству Топич, предтеча и прообраз человека будущего.

Это рассуждение не нуждается в комментариях. В тиши и «безопасности» профессорского кабинета героем быть не столь уж трудно, тем более, что герой собирается совершать свои подвиги в борьбе с покойниками, пребывая «в уверенности», что «мертвые не кусаются». Но это, так сказать, моральная сторона его героизма. «Гносеологический» же смысл этого героизма, с помощью которого он намеревается анатомировать исторические факты, заключается в шаблонно-позитивистской интерпретации «научной формы знания».

«Научная форма знания», согласно теориям, разделяемым Топичем, нейтральна по отношению к любому «мировоззрению», к любой философской интерпретации. Иными словами, под «научной формой знания» он имеет в виду формальную символику, за которой не следует искать никакого «потустороннего», вне ее лежащего смысла, никакого реального предметного прообраза, никакого «трансцендентного значения», никакой «абсолютной реальности» (стр. 270).

Всякая попытка установить «реальное значение» известной формальной системы символов и есть, по Топичу, внесение в «научную форму знания чуждого ей элемента», «сентимента», эстетически-иррациональной «оценки». Это и есть «интенциональное искажение» чистой формы научного знания.

В самом деле, спрашивает Топич, что значит выяснить «значение», «мировоззренческий смысл» той или иной мысленно-теоретической конструкции? Это значит установить, ее отношение к чему-то другому, ее значение для чего-то, что не является ею самой. А это «другое» есть всегда сам человек, его потребности и желания, [100] его симпатии или антипатии, эстетические, нравственные или политические «ценности», которые сами по себе совершенно иррациональны и никакому выражению в форме «научного знания» не поддаются.

Таким образом, любая попытка выяснить мировоззренческое значение той или иной формально-символической конструкции, а тем более попытка подвергнуть ее критическому

анализу с точки зрения «соответствия предмету», с точки зрения ее «реального смысла», — это попытка противоестественного и насильственного сочетания «научной формы знания» с «оценочной» и «оценивающей» формой эмоционально-эстетического, эмоционально-этического, или, что самое страшное, эмоционально-политического импульса, переживания. Короче говоря, «мировоззрение», по Топичу, есть противоестественное соединение «научной формы знания» (толкуемой чисто позитивистски, в духе Карнапа, Витгенштейна и Рассела) с иррациональным комплексом эмоций, формы рассудка — с формой чувственности, «сентимента».

Топич полагает, что на эти две половинки он может расчленить любое из «мировоззрений», любую из метафизических систем. Вопрос только в пропорции этих двух компонентов. В религии, дескать, преобладает эмоционально-интенциональный компонент, а в философско-метафизических системах он разбавлен «формой научности» или, наоборот, «форма научности» растворена в эмоционально-этическом, или эмоционально-политическом умонастроении.

Мировоззрение есть вольная или невольная, явная или неявная антропоморфизация научного знания и «хода мировых событий», ложная проекция субъективно-человеческих черт (а еще точнее — того типа и способа жизнедеятельности, с которым философствующая личность срослась с детства, с которым сливается мыслящий субъект) на знание и на мир. Этот способ жизнедеятельности, естественно, кажется личности чем-то абсолютно непосредственным, чем-то безусловным и не подлежащим никакому сомнению. Иными словами, индивид всегда смотрит на вещи сквозь очки прагматического интереса. «Мировоззрение» поэтому всегда связано с активно-практическим отношением к вещам, и в этом его грех, первородный грех. Согласно неопозитивизму, «научно-теоретическое» отношение к предмету по самой своей природе враждебно «практическому» отношению к нему. А «мировоззрение» как раз и требует соединения этих антиномичных по характеру, цели и форме «отношений к предмету», то есть соединения двух принципиально несоединимых способностей.

По Топичу, теория и практика, рассудок и чувственность, наука и политика, теоретический интеллект и нравственные принципы, ум и воля, и т.д., и т.п. — все это но несоединимые полюсы человеческой жизни. Любая попытка увязать между собой эти полюсы и значит впасть в грех «метафизического мышления»; это и есть «мировоззрение».

Подобные рассуждения резюмируются в следующей дефиниции: «мировоззрение — это недозволительная мысленная проекция на мир и на знание существующего в настоящее время способа субъективно-человеческой жизнедеятельности», или, как выражается Топич, «способа поведения личности в мире». Поскольку «поведение» по-латыни обозначается словом «интенция» (Intention), постольку Топич и называет мировоззрение «интенциональным взглядом на мир». Науке этот взгляд противопоказан, он искажает ее выводы и подчиняет ее построения извращающему принципу. Этот взгляд правомерен только в личной практической жизни, и именно потому, что практическая жизнь есть иррациональное переплетение личных жизней, которое не поддается ни рациональному познанию, ни программированию, ни планированию. Одно, единое для всех мировоззрение — это блеф, противоречие в самом себе.

Таковы те философские доспехи, в которых рыцарь героического позитивизма выезжает сражаться с драконом метафизического мышления. Он, бедный, не подозревает, что его панцирь склеен из обломков тех самых систем, которыми дракон издавна лакомился, становясь от этого еще толще и сильнее. Конечно, нужно быть лишенным чувства

«уверенности» и желания «безопасности», чтобы выступать в бой в таком облачении. Прочие позитивисты плевали на историю мышления из-за угла, и это, несомненно, было более осторожное «поведение». Но героический позитивист Топич храбро отправляется в стан врага, чтобы познать его, а познав, победить и отбросить дракона с дороги «современной философии» не просто, а предварительно распоров ему брюхо и показав всему миру, что в этом брюхе не было и нет ничего «рационального», что в нем имеется одно «интенциональное», одни «сентименты».

Итак, холодный и трезвый рассудок выступает против эмоционально-политических сентиментов. Так представляет себе рыцарь предстоящее ему сражение.

Для начала он опускается в самые глубины человеческой психологии, в те самые глубокие истоки «метафизического мышления», куда никто до героического позитивиста не опускался из трусости, «из страха перед ценностной иррациональностью мирового потока» (стр. 4). Желание безопасности ему чуждо; и этот высший гносеологический принцип сразу [101] позволяет ему, узреть истину, которую две тысячи лет трусливые философы скрывали даже от самих себя.

Пришел, увидел, вырвал с корнем! И не что-нибудь, а тысячелетнее дерево, ветви которого простираются над целыми континентами. Вот какую силу придает мышлению героизм. И что же показывает нам в итоге этот Геракл современного позитивизма? Что за тощий психологический хвостик он с торжеством показывает миру?

«Человек, ребенок или дикарь, а также взрослый индивидуум в его повседневной жизни прежде всего хочет знать, что означают для него вещи, чего он от них может ждать, как ему вести себя по отношению к ним. Вещи его либо привлекают, либо отталкивают, либо помогают ему, либо угрожают, он испытывает или интимное доверие к ним, или тревожную отчужденность» (стр. 3). Не правда ли, нужно обладать героической отвагой, чтобы дойти до такой мысли? До мысли, которую вся мировая философия до Эрнста Топича трусливо скрывала от самой себя из страха перед ее последствиями?

Проследим за дальнейшими рассуждениями позитивиста: «Далеко лежащему и незнакомому придается характер чуждого и враждебного тем, что оно воспринимается по аналогии с близким и интимно знакомым. В принципе можно все наличное непосредственное жизненное окружение использовать в качестве модельного представления для мировоззрения. Однако главную роль при этом всегда играют аналогии, заимствованные из непосредственно-испытываемых, практически-значимых и эмоционально-насыщенных фактов общественного созидания и сохранения жизни. В особенности это биологические процессы зачатия, рождения, роста, старения и смерти, и затем планомерные, преднамеренные воля и действие – интенциональный способ действий с его нормами, объектами и продуктами» (там же).

Это и есть яйцо, из которого вылупился дракон. Топич его обнаружил и тем самым убил чудовище уже в зародыше. Это и есть те «модельные представления», которые философы проецировали на окружающий мир, чтобы получить мировоззрение. Они делятся на две группы – на «биоморфные» и «интенциональные». Последние опять разделяются на две подгруппы – «социоморфные» и «техноморфные» модельные представления.

Социоморфные представления о мире рождаются путем проекции на мир социальных структур и отношений, начиная от семьи и кончая государством, а техноморфные – в результате такой же проекции моментов художественно-ремесленной деятельности.

В результате таких мысленных аналогий мир, «универсум», выступает перед сознанием то как грандиозный социальный феномен, то как художественное творение. Так и возникает, согласно концепции Топича, «интенциональное понимание мира» – «мировоззрение».

Вот и все. Так просто решается вопрос «о начале метафизики». Так же просто решается и вопрос о ее «конце». Но, прежде чем говорить о конце метафизики, Топич хочет объяснить нам, почему этот конец еще не наступил и почему до сих пор не нашлось среди философов героя, который уничтожил бы ее в самой основе, как это наконец сделал Топич. Почему мир тысячи лет ждал Топича?

А вот, оказывается, почему. Многие философы смутно подозревали то, что ныне открыл человечеству Топич. Но ни у кого до сих пор не доставало мужества объявить свою профессию недоразумением или шарлатанством, ибо такой взгляд, как само собой разумеется, «несовместим с притязанием философии на истину» (стр. 4).

В самом деле, философы всегда исследовали всеобщие категории и старались построить, каждый на свой лад, продуманную систему определений таких категорий. Но на самом-то деле любая такая система была просто иносказательным описанием того способа жизнедеятельности («интенциональной модели»), которому лично сочувствовал ее автор. Любое философское понятие есть, таким образом, всего лишь ложно экстраполированное в бесконечность частное определение субъективно-человеческого мирка. Разумеется, что категории и системы философии не могут претендовать ни на «всеобщность», ни на «необходимость», так как любой субъективно-человеческий способ деятельности эфемерен, иррационален и преходящ. Но философы не могли расстаться с таким приятным времяпрепровождением, как построение всеобщих систем. Поэтому они дурачили самих себя и других. «Философия поэтому и не была, как правило, готовой отбросить сам принцип такого взгляда... Она старалась не уничтожить его, а скорее спасти путем введения различных вспомогательных гипотез» (стр. 4).

Обыкновенных же людей эти построения привлекали по той причине, что обещали им рационально продуманные рецепты «правильного» поведения в мире, такого поведения, которое якобы согласуется с требованиями «мировой гармонии», а потому сулит успех.

«Чрезвычайная жизненная сила такого миропонимания покоится, таким образом, не на его правильности, а исключительно на его психологической действенности» (там же), – оно привлекает человека [102] заманчивыми, но принципиально невыполнимыми обещаниями. Слабые души цепляются за него, а в итоге всегда остаются у разбитого корыта. Этим свойством «мировоззрения» всегда пользовались коварные «политики». Мировоззрение служило им в качестве средства управления слабодушными людьми, их волей. За узду мировоззрения они и вели людское стадо от одной катастрофы к другой, изображая капризы своей индивидуальной воли как веления «всеобщей воли». Но «всеобщая воля» – такая же эфемерная иллюзия, как и любое «всеобщее».

Так, вырвав с корнем тысячелетнее древо «метафизики», Геракл-Топич мимоходом объяснил и всю политическую историю человечества. Оказывается, вся грандиозная история политических структур прошлого и настоящего вырастает из того же самого тощенького корешка, что и история «метафизики», и она также бессмысленна и псевдорациональна, как и метафизика.

Всю метафизическую и политическую историю человечества Топич, как мы видели, объясняет тремя причинами. Это: 1) иррациональная эмоция, 2) столь же иррациональная

аналогия, с помощью которой указанной эмоции придается трансцендентно-всеобщее значение, и 3) трусость, робость мысли. На них, как на трех китах, и держится вся топичевская реконструкция духовной и политической истории человечества.

Вот что получается, когда герой позитивизма дает волю своему «трезвому и бесстрастному рассудку», лишенному всяких «сентиментов». Куда там авторам «бессмысленных и псевдорациональных метафизических учений»! Они, глупые, строили свои системы на каких-то там «рациональных», хотя бы и «псевдо», основаниях, а все дело, оказывается, в том, чтобы реконструировать всю историю духовных и политических структур прошлого и настоящего на таком прочном фундаменте, как эмоция, аналогия и трусость.

Каков же итог? Чем отличается гений героического позитивизма от всех прочих «метафизических» мыслителей? Не тем ли только, что он сознательно строит свою систему на том самом иррациональном основании, которое те принимали по недомыслию и трусости за нечто рационально-постижимое?

Топич не первый, кто провозглашает всю протекшую до него историю сплошной иррациональной бессмыслицей, а в уразумении этой бессмысленности видит высший смысл собственной деятельности, свою особую миссию.

Однако между Топичем и другими «нигилистами» есть разница. В истории бывало так, что разрушение идеологического здания прошлой эпохи расчищало почву для постройки нового здания. Декарт, объявив схоластическое мышление иллюзией, был не менее решителен в своем отрицании, чем Топич. Но он дал человечеству взамен нечто более ценное, чем то, что он разрушил. Но бывало и иначе. Средневековые мракобесы разбивали мрамор античных статуй не затем, чтобы соорудить из их обломков что-либо более прекрасное. Разбивали – и все. И никогда люди не помянут добрым словом того «интеллектуального аскета», который отбил своим варварским молотком руки Венеры Милосской.

Во имя чего «отрицает» Топич духовную и политическую историю человечества? Что он хочет дать людям взамен? Какова та «интенциональная модель», которой он симпатизирует?

Топич надеется на то, что «современный человек» становится все менее податливым к соблазнам «интенциональных аналогий». Современный мир, говорит он, устроен так, что выбивает из-под них почву. Во-первых, это периодические «потрясения», которые дезорганизуют психику и всякую сколько-нибудь упорядоченную схему представлений. Действительность все время преподносит сюрпризы, опрокидывающие все заранее созданные представления. У индивидуума пропадает охота строить воздушные замки, – все равно их развеет неожиданный ветер.

Во-вторых, это тот факт, что наука и повседневно-практическая жизнь разгорожены друг от друга настолько, что представления, созданные в одной сфере, абсолютно непохожи на представления, складывающиеся в другой. Перенести их в другую сферу индивид уже не в состоянии. Ученый создает свои представления в условиях лаборатории, исходя из показаний стрелок на шкале приборов, из диаграмм, которые рисуют автоматические перья приборов, из движения светящихся точек на экранах и т.п. Случайный прохожий, войдя в современную лабораторию, ровно ничего не увидит и не поймет, если будет ориентироваться в ней на основе привычных ему представлений. И наоборот, ученый, мозг которого развит в лабораториях, оказывается, как правило, совершенно

дезориентированным сложностью и иррациональностью повседневной практической жизни. В ней он также ничего не поймет, если будет руководствоваться своими профессиональными представлениями.

Представления, сложившиеся в условиях повседневной практической жизни, нельзя перенести в сферу научного мышления, ибо они «никак не соответствуют условиям конструирования некоторой, по возможности, всеохватывающей, непротиворечивой, математически точной и строго эмпирически [103] верифицируемой системы высказываний» (стр. 267).

Итак, «теорию» от «практики» отгородили китайской стеной приборы и узкопрофессиональная специализация людей. А там, где разрушен непосредственно-наблюдаемый и рационально-постижимый мост между «теорией» и «практикой», – там разрушена и самая основа «мировоззрения».

Далее. Еще сильнее подрывает доверие к интенциональным аналогиям сама структура «современного мира». Этот мир «уже не представляет более обозримого целого, каким была семья, род, полис и даже империя. Здесь нет никаких ступенчатых рангов, нет никакой устойчивой иерархии. Современное общество складывается из многообразно переплетающихся, часто прямо сливающихся друг с другом групп и отношений, взаимодействие которых невозможно понять без специального изучения» (там же). Существование классов – это, по Топичу, разумеется, «метафизическая выдумка марксистов». Общество с такой аморфной структурой едва ли способно послужить для человека «моделью», по аналогии с которой он мог бы «понимать» космос и его отдельные сферы. Оно само требует «модели» для своего объяснения...

«Техноморфные модели» разрушило развитие самой техники. Раньше человек имел перед своими глазами весь несложный процесс производства – от замысла до окончательного продукта, и сам, как личность, непосредственно переживал весь процесс. Поэтому «техноморфная модель» была для него «эмоционально насыщенной, практически значимой», жизненной «очевидностью», по аналогии с которой он «понимал» все остальное. Теперь же между трудящимся человеком и продуктом его труда возникла сложная цепь опосредующих звеньев, машин, непонятных для него хитростей технологического процесса, подчиненного требованиям науки, к которой он не имеет отношения, и пр., и пр. Да и сам он в системе разделения труда играет столь фрагментарную, эфемерную и непонятную для него роль, что вряд ли можно вообще говорить о человеческом индивидууме как о «творце». Труд потерял для человека всякое «эмоциональное» значение. Он равнодушен к нему и не понимает его так, как понимал художник-ремесленник. Поэтому и труд не может уже служить для него «моделью», «интимно переживаемой достоверностью».

Ничего не говорят жителю современного индустриального города и «биоморфные модели». Крестьянин в своей усадьбе был с детства окружен жизнью растений и животных. Проводя аналогию с ней, как с чем-то «очевидным», он мыслил и остальной мир. Но все это исчезло из поля зрения жителя современного города. Он окружен железобетонными конструкциями. Рождение происходит в родильном доме, смерть – тоже в соответствующем специальном учреждении и реже в кругу семьи. Все эти процессы тоже утратили для современного индивида характер интимно понятных и эмоционально насыщенных событий.

В итоге, куда индивид ни глянет, нигде он не найдет такой «модели», которая могла бы послужить для него прочной, абсолютно устойчивой, интимно понятной, эмоционально

насыщенной и непосредственно убедительной «достоверностью», по аналогии с которой он мог бы воспринимать все остальное.

Наука показывает ему, что мир на самом деле вовсе не таков, каким он его воспринимает, что его восприятие только иллюзия. Процесс труда, в который он вплетен, для него безразличен и непонятен, поскольку в силу своей сложности уходит далеко за пределы его опыта. Общество, его окружающее, представляет собой необычайно сложный комплекс отношений, совершенно непостижимую головоломку, в этом обществе на каждом шагу с ним происходят всяческие неожиданности. Все его жизненные отправления от рождения до смерти тоже вплетены в сеть непостижимых его уму, тем более чувству, обстоятельств.

Человеческий индивидуум в итоге оказался наедине с миром, который для него абсолютно непостижим. В этом мире нет ничего устойчивого, ничего такого, чему он мог бы «интимно доверять». Все то, что раньше казалось простым, ясным, понятным и эмоционально насыщенным, а потому служило моделью для аналогий, оказалось необычайно сложным, коварным, ни уму, ни сердцу ничего не говорящим... Все вокруг расплавилось, поплыло, растворилось в символике – и другой индивид, и рождение, и смерть, и процесс труда, и социальная структура, и вещи, воспринимаемые органами чувств. Человек повис в одиночестве среди кошмара этого мира, нигде не находя опоры. Волны этого мира носят его туда и сюда, вверх и вниз, неизвестно почему, неизвестно зачем, куда и откуда. Чтобы хоть сколько-нибудь разобраться в этом хаосе, нужно знать «современную науку». Но она излагает свои истины символическими иероглифами, которые надо изучать много-много лет, и к тому же предупреждает, что эти иероглифы надо не «понимать», а просто «усвоить», ибо они и есть «подлинная действительность», за которой нет ничего более реального, никакой «объективной реальности». Как тут не прийти в отчаяние? Куда податься? Смирись, гордый человек! – отвечает [104] Топич – Ты подобен букашке, попавший в водовороты Ниагарского водопада, иррациональному хаосу мирового потока нет никакого дела до твоей судьбы и благополучия. Ты бессилен и ничтожен! Поэтому спасайся, кто как может. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Никто тебе не поможет, ибо всяк утопает по-своему. А пока ты не утонул, занимайся своим личным делом, своей узкой профессией и не старайся понять, зачем ты ею занимаешься, к чему твои старания приведут. Если ты физик, то строй системы символов, а как их использует «общество», какой общественно-социальный смысл и результат заключен в твоей работе, – это не твое дело. В чьи руки попадает потом твой продукт, – этого тебе знать не дано; какое употребление из нее сделают люди других профессий, не твоя забота. Если ты сержант при атомном ракетодроме, тоже не мудри, не старайся понять, что к чему. Этого в конце концов не знает и генерал. Так что исполняй устав и не противоречь высказываниям начальства. Если тебя судьба сделала рабочим на конвейере, то завинчивай свою гайку согласно инструкции, не раздумывая, откуда и как она к тебе попала, в какие мистические дали унесет ее от тебя технологический процесс. Это – не твоего ума дело. А на досуге читай Топича. Он докажет тебе, что все идет так, как надо, в строгом согласии с бессмысленностью мирового целого. И пуще всего бойся впасть в соблазн. Опасайся, как огня, учений, которые обещают тебе рациональное понимание «современного мира». Беги от них, не читай ни Ленина, ни Маркса, ни Фейербаха, ни Гегеля, ни Гольбаха, ни Декарта. Я, Топич, проделал этот неблагодарный труд за тебя и доказал, что он не стоит ни времени, ни стараний. Не стремись к единству взглядов с другими людьми – это иллюзия, козни метафизического мышления. Не стремись к солидарности воли и действий, особенно таких действий, которые имеют своей целью всеобщую «безопасность и уверенность». Чур меня «от таких учений и от таких партий»! «Чур меня от мировоззрений»!

Все это уже действительно страшновато, хотя и не потому, что Эрнст Топич обладает талантами Эрнста Гофмана. Совсем наоборот. Его словесная живопись академически худосочна и многословна, тем более что он вовсе и не намеревался запугивать читателя ужасами капиталистического мира, а расписывает его как нечто естественное и привычное.

Однако против своей воли профессор доказывает больше, чем хотел бы. Сквозь его абстрактно-философское описание довольно ясно проступают реальные контуры мира, органически враждебного человеку труда, всякого труда, как физического, так и умственного. Эта особенность капиталистического мира ныне стала столь очевидной, что ее невольно отражают даже плоскоэмпирические мозги позитивиста. Топич как о чем-то самом по себе разумеющемся свидетельствует: в этом мире физический труд лишен всякого духовного содержания и эстетической привлекательности, а умственный труд – всякой рационально-постижимой связи с реальной чувственно предметной деятельностью, а потому и с природой.

Связь между мышлением и практикой, между понятием и предметом осуществляется, конечно, и здесь, но не как результат сознательных усилий ученого, а запутанным, окольным путем. В этом мире продукты любого труда (в том числе и ученого) – лишь разменная монета в азартной игре финансовых воротил и дельцов. Он расценивается и «оценивается» не по его собственным конкретным достоинствам, а по абстрактно-безликой мере стоимости. Непосредственная, прозрачная и рационально-постижимая связь теории (понятия) с практикой, а через нее с предметом здесь окутана плотным туманом товарно-фетишистских иллюзий. Профессиональный кренинизм кабинетного ученого, не ведающего о том, что творится за окнами его кабинета, здесь почитается за высшую добродетель. Поэтому-то в конце концов построение «непротиворечивых систем высказываний» здесь и превращается в высший принцип умственной работы, в высший принцип логики. Это не выдумка неопозитивистов, а результат той формы разделения труда, на которую обрекает ученого современный капитализм. Неопозитивизм лишь освящает эту отчужденно-уродливую форму мышления, выдавая ее за добродетель.

Неопозитивизм – это и есть философия профессионального кренинизма, а потому кренинизм профессиональной философии, неизбежный в капиталистическом мире.

Неопозитивист давно отчаялся проследить запутанную связь между понятием (продуктом труда теоретика) и чувственно предметной действительностью. Эта связь, и без того не простая, в современном мире стала и вовсе запутанной, оказалась «опосредованной» такими звеньями, которые органического отношения к ней не имеют, – актами купли-продажи, спекуляции, идеологическими предрассудками и т.д., и т.п. Теоретик в итоге часто предпочитает махнуть на нее рукой и «заниматься своим прямым делом», узкопрофессионально понятой задачей. В итоге связь «понятия» и «предмета» вообще ускользает из поля его внимания. Понятие [105] начинает казаться «символом», теория – лишь «системой непротиворечивых высказываний», а реальный мир – иррациональным хаосом индивидуально неповторимых переживаний, не имеющих никакого отношения к «понятию».

Маркс давно и исчерпывающе объяснил все эти факты и указал выход из такого трагического положения: революционное уничтожение мира частнокапиталистической собственности.

Топич же взваливает вину за все беды на ни в чем не повинный «мир в целом», на его принципиальную «ценностную иррациональность». Поэтому обвинения в «метафизике»,

которые Топич обращает к Марксу, звучат несколько странно и даже неискренне. Маркс никогда не апеллировал к «миру в целом» при объяснении известных конкретных фактов. Он исходил из самих фактов в их сцеплении. Топич же апеллирует именно к вечной иррациональности мироздания. При этом, извольте видеть, Маркс – «метафизик», а Топич – «положительно мыслящий ученый».

Все это в конце концов означает, что в наши дни проблема «мировоззрения» не только и даже не столько философско-теоретическая проблема, сколько практически-политический вопрос, вопрос о выборе классовой позиции в жизни, в науке, в философии.

На основе диалектико-материалистического взгляда, органически связанного с революционно-коммунистическим преобразованием современного мира, оказываются вполне разрешимыми все те трудные вопросы, которые неопозитивизм объявил принципиально непосильными для человеческого ума. В частности, и проблема единства теоретического знания, проблема мировоззрения. «Единство мира» как основа «мировоззрения» доказывалась, как давно и хорошо было показано, не парой формально непротиворечивых аргументов, а долгим, трудным и весьма «противоречивым» развитием науки и философии. Однако к этому единственному доказательному аргументу неопозитивист тоже органически глух. История философии для него – лишь история блужданий трусливых умов. Рациональное зерно философии Спинозы или Гегеля для него столь же неуловимо, как для «гения абстрактной живописи», обезьяны Бетси, красота полотен Рембрандта и Рафаэля. Поэтому любой легкий вопрос для неопозитивиста превращается в трудный, а трудный – в вовсе не разрешимый, история философии – в историю заблуждений, а мир – в сумасшедший дом.

«Современный мир», к счастью для человечества, формирует не только топичевскую «модель поведения». Тот же самый кошмар товарно-капиталистического разделения труда, который создал Топича и ему подобных, формирует и психологию трудящихся масс, которые все более настойчиво требуют хлеба, работы, мира и безопасности. Для Топича – это «сентименты». Ну, что же! Пусть так. Дело не в названии, а в том, что таким «сентиментам», как желание жить, трудиться и бороться за всеобщее и личное счастье, соответствует ныне одна-единственная теория, одно-единственное «мировоззрение» – оно давно изложено в «Коммунистическом Манифесте», и «способ поведения», в нем очерченный, избрали уже сотни миллионов тружеников земли. Эта идеология «современного мира» притягивает к себе умы и сердца людей гораздо сильнее, чем идеал, который рисует Топич.

Поэтому-то он и беспокоится. Нисколько не греша против истины, его позицию можно назвать подленько-трусливым нигилизмом буржуа-индивидуалиста» который прекрасно чувствует себя в кошмаре безвыходного одиночества и больше всего боится солидарного действия пролетарских масс, ненавидит позитивный героизм труда и борьбы и испытывает патологический страх перед теорией, которая обосновывает неизбежность сплочения пролетариата под знаменами коммунистических партий.

Против своей воли и намерения он заодно доказывает, что вся тысячелетняя духовная культура человечества на стороне его врага, не на его стороне. И это совершенно правильно.

* * *

Еще несколько слов о методологии, с помощью которой Топич воздвигает свою конструкцию. Надо сказать, что она скучна и однообразна. Анализ любой системы сводится

каждый раз к отысканию одной из перечисленных «интенциональных моделей» как «подлинного смысла» системы. По отношению к первобытной мифологии такой метод еще дает какие-то результаты. Но чем ближе к современности продвигается Топич, тем искусственное и надуманное становится его построение, тем больше искажается подлинное содержание систем, философско-теоретических учений. Он доказывает только одно: что любое учение всегда было тесно связано с практикой современной эпохи и с ее терминологией, а потому несет на себе ее отпечаток. Главный же вопрос – вопрос о том, как и почему теория, связанная с практическо-предметной деятельностью, совершает свое неумолимое продвижение к объективной истине, – остается вообще вне поля его зрения.

Поэтому вся картина исторического развития философской мысли выглядит у него как в кривом зеркале. Все те моменты учения, в которых отразилось продвижение [106] мысли к объективной истине, Топич просто обходит стороной. И, наоборот, все то, что принадлежит исторически преходящей форме выражения рационального зерна системы, он тщательно коллекционирует и выдает за подлинное содержание.

Терминология выдается за понятие, а сходство в терминологии прямо принимается за тождество концепции. Вот наиболее яркий образец такой жульнической подмены: «Самоотчуждение человека в обществе, основанном на разделении труда, благодаря которому человек подпадает под господство безличного, «обесчеловечивающего» хозяйственного механизма, идет с «закономерной необходимостью» к своему концу. А именно: крайняя нужда «истинного человека», пролетария, есть предзнаменование и предпосылка диалектического поворота к *restitutio hominis* (к возрождению человека) в социалистическом обществе будущего. Эта гуманистическая логодия проникает и определяет марксистское мышление и там, где, по-видимому, речь идет исключительно об экономических фактах, например, о прибавочной стоимости. Много раз и убедительно было показано, что это учение о самоотчуждении, его неизбежном самоснятии, которое можно обозначить также как парадокс детерминированного упразднения детерминизма, гораздо ближе стоит к гностическому учению о грехопадении и искуплении, чем к учению о причинной закономерности в современном смысле слова» (стр. 255).

С помощью такой нехитрой словесной операции над известными выражениями, выисканными у раннего Маркса, Топич отождествил учение Маркса с учениями мистиков из Александрии. И так он поступает со всеми мыслителями. Сначала выразит учение через термины, никак не раскрывающие действительного, конкретно-предметного его смысла, а затем выдаст способ выражения за подлинное содержание учения. Спиноза часто называет свою «субстанцию» термином «бог». Для Топича этого достаточно: значит, учение Спинозы основано на «теологическом постулате» (стр. 225). Далее: выражение «универсальные законы природы» у Спинозы и Лейбница часто связывается с выражением «божественная природа». Отсюда незамедлительно следует сногшибательный вывод: значит, самое представление об «универсальных законах природы» есть переодетое теологическое представление, а «детерминизм – не только античный и средневековый, но и детерминизм нового времени, несмотря на его «механистический» чисто научный по видимости фасад – покоится на типичном ценностном постулате интенционального миропонимания» (стр. 226).

На том же основании Топич объявляет категорию «прибавочной стоимости» иносказательным выражением иррационального желания абсолютной справедливости. Опровергать все эти «открытия» у нас нет ни возможности, ни желания, ибо Топичу надо все объяснять с самых азов, а это задача не статьи в научном журнале, а школьного учебника. Да и как изволите спорить с человеком, который, как видно, и не нюхал более

совершенного средства логического анализа, нежели аналогия, опирающаяся на сходство названия, термина?!

Конечно, умение зачислять в одну категорию вещи, столь же похожие друг на друга, как корни больного зуба на гносеологические корни метафизики, свидетельствует о героической смелости мысли. Но в современной науке такого рода смелость проявлять просто неприлично.

Не удивительно, что тому, кто привык мыслить произвольно-словесными аналогиями, весь мир представляется нелепой аналогией. И если Топич любого мыслителя подозревает в жульническом подсовывании аналогий на место понятий, то на самом деле это лишь его собственный грех, проецированный «вовне».

Любого мыслителя он уличает в иррациональном пристрастии к определенному способу жизнедеятельности. Мы видели, какому способу поведения он сочувствует сам. И поневоле задумаешься: случайно ли Топич увидел в трусости мысли, в боязни докопаться до корней истины одну из основных причин «бессмысленности» всей прежней философии? Не есть ли это психологическое свойство самого Топича, спроецированное им «вовне»? То самое свойство, которое он дипломатически называет умением смотреть в лицо действительности. Трус ведь тоже бывает героем – с перепугу. Видно, это как раз и есть такой случай.

Бессмысленную иррациональность своего трусливого интеллекта Топич проецирует «вовне», на мир и на историю мышления, принимая ее затем за иррациональность и мира и философии. Весь мир кажется ему сумасшедшим домом. Только при чем тут подлинная история философии? [107]